

**РОССИЯ И ГОРСКИЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.:
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

П.А. КУЗЬМИНОВ

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru*

Аннотация. Цель статьи – показать на конкретном историческом материале реальную альтернативность, присутствовавшую в государственной стратегии, в формах, тенденциях и результатах ее реализации на одном из наиболее сложных этапов взаимодействия Российской империи с народами Северного Кавказа. В статье анализируются процессы, обусловившие обострение российско-кавказских отношений в конце XVIII – начале XIX в. Ставка имперского правительства на силу и военное давление в отношении горских народов Северного Кавказа вызвала активное сопротивление народных масс. Понадобились годы военного противостояния, чтобы кавказская администрация осознала бесперспективность данного курса. Деятельность М.С. Воронцова изменила характер отношений между властями и горцами, что позволило перейти к мирным формам освоения Северного Кавказа.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; политика; противостояние; сближение; военные столкновения; реформы.

**RUSSIA AND THE MOUNTAIN PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS AT
THE END OF XVIIITH – THE BEGINNINGS OF XIXTH CENTURIES:
ALTERNATIVE MODES OF INTERRELATIONS**

P.A. KUZ'MINOV

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru*

Abstract. The article is aimed to demonstrate by concrete historical evidence the real alternatives that were present in governmental strategy as well as in modes, tendencies and results of its implementation during one of the most multifarious and contradictory phases in interactions of Russian empire with the peoples of the North Caucasus. There are analyzed the processes that conditioned the sharpening of Russian-Caucasian relations at the end of 18th – the beginnings of 19th centuries. Imperial government's initial stake on forceful policy and military pressure towards the mountain peoples of the North Caucasus caused mass and vigorous popular resistance. The long years of military confrontation turned to be needed to make the imperial administration in the Caucasus to realize the pointlessness of such a course. M.S. Vorontzov's undertakings made an alteration in the character of relations between state powers and mountaineers that made possible the passage to peaceful forms of mastering of the North Caucasus.

Keywords: Russia; North Caucasus; policy; confrontation; convergence; military clashes; reforms.

Сложность и противоречивость взаимоотношений Российского государства и народов Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в. лежат в основе одной из ключевых проблем современного кавказоведения. Острота дискуссий, их продолжительность вызваны, помимо прочего, избирательным подходом тех или других авторов к интерпретации проблемы. Она строится либо с позиций российского государственного интереса, либо с позиций этнонационального развития отдельных народов региона, с преимущественным вниманием либо к конфликтным формам, либо к конструктивному содержанию взаимодействия сторон.

В сложившейся историографической ситуации, актуальной задачей становится выработка сложной, но внутренне последовательной концепции исторического места Кавказской войны, в которой Россия и народы Северного Кавказа выступали бы как очень разные, но «равноценные» субъекты единого исторического процесса, а полнота охвата материала позволяла бы не растворять трактовки войны в трактовках периодов и форм взаимного тяготения (сближения, культурного обмена, со-развития), но равным образом – не уводить в тень войны ценность и значение последних [24, с. 25]. Такой подход, по нашему мнению, позволит отразить реальную альтернативность исторического процесса и противопоставить односторонним трактовкам периода утверждения России на Северном Кавказе синтетическое, а тем самым – более объективное его видение.

От развития торговых и политических связей, принимавших порой формы военно-политического союзничества, отношения России и народов Северного Кавказа в конце XVIII в. переходят в военно-конфронтационную фазу. Территория и народы региона оказались своеобразной разменной монетой в геополитических расчетах великих держав.

Предпосылки такого сдвига назревали на протяжении XVIII в. когда культурная дистанция между европеизирующейся Россией и народами Северного Кавказа существенно увеличилась, а пространственная и политическая – были стёрты. В непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и хозяйственными традициями, с качественно разнородными системами власти и управления [12, с. 15].

Вместе с тем, реакция в горских обществах на усиливающееся давление России была различной. Феодалы Кабарды, Кумыкии, Дагестана, почувствовав угрозу ограничения комплекса своих традиционных прав, начинают борьбу за их сохранение. В то же время, отдельные группы западных чеченцев, ингушей, осетин, абазинцев, под влиянием настойчивых уговоров Кавказской администрации, покидают обжитые, но скудные землёй отроги Кавказских гор и создают аулы на плоскости, принадлежащей кабардинским и кумыкским князьям. Обращения последних к представителям кавказской администрации с просьбами и требованиями остановить переселение, результата не имели. Конфликт интересов вел к обострению отношений как между переселенцами с гор и законными владельцами плоскостных земель, так и между последними и российской военной администрацией в регионе. То есть

одновременно развивались два взаимосвязанных, но по сути антагонистических процесса, которые были обусловлены военно-политическим присутствием здесь России [30, с. 46]. Но при этом была существенная разница между структурой и практиками европейских колониальных империй, и имперской политикой России. Накопленный веками опыт управления захваченными территориями давал возможность Англии, Франции, Испании, Португалии, Бельгии, Голландии беспрепятственно выкачивать материальные ресурсы из заморских колоний и использовать их в качестве рынка сбыта для производимой в метрополии товарной продукции.

Колонизационный процесс в России XVI-XVII вв. имел иную основу. В.О. Ключевский выделил в нем главное: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией» [27, с. 50]. Осваиваемая в процессе нерегулируемого мирного колонизационного процесса территория – это не чужая, захваченная для ограбления область, а своя, неотъемлемая часть Российского государства. Значит, и отношение к ней определялось не сиюминутными выгодами, кто больше и быстрее награбит, захватит, увезет, а долговременной программой, учитывающей не только интересы Центра, но и колонизируемой Периферии. В XVIII в. Россия превращается в империю, утверждаются имперская политика – политика, направленная на укрепление и расширение империи, и имперское мышление – мышление имперскими категориями [39, с. 5]. Одновременно она окончательно становится унитарным государством с иерархически организованным управленческим аппаратом и официальной государственной доктриной просвещенного абсолютизма. «Народная» (крестьянская и казачья) колонизация превращается в инструмент государственной политики. При этом, российское имперское мышление остается не-колониальным – присоединяемые территории должны становиться неотъемлемой частью государства.

Но Северный Кавказ представлял собой, подчеркнем, не просто территорию, а густо населенный, многообразный и самобытный мир. Каждый из местных народов был привязан к определенной территории, характеризующейся устойчивым социокультурным единством, наличием автономных институтов социальной и потестарно-политической самоорганизации и соответствующим самосознанием населения. Такие этносоциальные ареалы Северного Кавказа на протяжении длительного времени поддерживали свою пространственно-временную устойчивость, несмотря на то, что на всем протяжении своей истории сохраняли локальный характер и не имели собственно политических (государственных) границ, способных «ограждать» их от окружающей социально-политической среды [11, с. 205]. Их взаимные отношения сформировали, в свою очередь, систему подвижного этнополитического равновесия. Она поддерживалась устойчивостью хозяйственно-культурного уклада отдельных этносов, привязанных к определенным природно-ландшафтными зонам, проницаемостью культурно-языковых границ для демографического обмена и межэтнических социальных связей, наличием элементов единой соционормативной культуры

(гостеприимство, аталычество, покровительство), относительным равновесием военно-политических сил феодализованных образований, способных претендовать на гегемонию в регионе. Все это придавало отношениям между этносообществами Северного Кавказа «регулируемый», упорядоченный характер [10, с. 193].

Восприятие региона как своего рода этнорегиональной исторической системы не элиминирует этническое своеобразие его народов, но вместе с тем позволяет выявить некоторые сущностные начала, действующие на всей территории Северного Кавказа и не зависящие от случайного стечения обстоятельств. Одновременно появляется возможность за частотой разнородных событий и фактов выявить основной вектор движения горских обществ, уточнить механизм их социокультурного взаимодействия с российским обществом и государством, становившегося все более плотным с последней трети XVIII в.

Турция, проиграв войну России (1768-1774 гг.), решила упрочить свои владения на восточном берегу Черного моря, который в то время находился под протекторатом Порты. Под предлогом защиты татар, ушедших на левый берег р. Кубани после завоевания Крыма и Таманского полуострова российскими войсками, турецкое правительство решило построить крепость Анапу. Эта местность принадлежала хейгакскому князю Заноко Магомет-Гирею и была им добровольно уступлена туркам. Здесь интересна реакция на это народов региона, предвидевших трагические последствия принятого политического решения [35, с. 15, 16]. Соседи хейгаков, нутхайцы и шапсуги, отчетливо осознавали, что при разрыве отношений России и Турции, их земли станут театром военных действий. Поэтому они настойчиво просили князя не утверждать принятого решения. Князь Магомет-Гирей не прислушался к просьбе и на месте древней столицы протоадыгского Синдского государства Горгииппии французские инженеры в 1781 году построили мощную военную крепость Анапа, реконструировали крепости Суджук-Кале, Сухум-Кале, Поти, Батуми. Были сооружены новые редуты между р. Риони и о. Палеостомом [42, с. 126].

По итогам второй русско-турецкой войны (1787-1791 гг.), р. Кубань стала границей между двумя империями. Ясский мирный договор 29 декабря 1791 г. закрепил за Россией Крым, Кабарду, правый берег Кубани и Тамань. Указом от 28 февраля 1792 г. Екатерина II объявила протекторат над народами Северного Кавказа, правда, не спросив их об этом. Но в указе подчеркивалось, что в отношении автохтонов нужно действовать «не оружием, а паче правосудием и справедливостью». Для этого администрации на местах вменялось в обязанность «всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями ... Со всей серьезностью следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам» [42, с. 127].

Адыгские народы, живущие на левом берегу Кубани, считались подвластными султана. На правой стороне поселились черноморские казаки, которые по указу Екатерины II от 30 июня 1792 г. перешли сюда с Днестра.

Адыги снабжали переселенцев хлебом, семенами, скотом, саженцами, фруктами, лесом, одеждой, сбруей и даже оружием. Взамен получали от черноморцев соль, которой за Кубанью не было. Идиллии в отношениях народов, конечно, не было. «Притирка» народов происходила сложно. За первые семь лет пребывания казаков на Кубани «черкесами было убито около 30 чел., пленено 59, нанесен материальный ущерб на сумму свыше 12600 руб.» [47, с. 613]. Обратный ущерб, полученный адыгами в результате захвата казаками всего правобережья, никто не подсчитал.

Часть адыгов, недовольная тем, что оказалась под протекторатом Турции, просила Российского подданства. Владельцы бжедугского и натухайского народов «в подтверждение искренности своих заявлений дали присягу на Коране: свято и непоколебимо хранить верность Государю и обид русским не делать. В случае разрыва России и Оттоманской Порты и возникновении войны между ними не воевать с русскими, с тем, однако, чтобы и черкесы со стороны русских не были разоряемы. Помимо этого, натухайцы просили разрешения на свободный переход желающих поселиться в Черномории» [29, с. 74]. Екатерина II, опасаясь дипломатических осложнений с Портой, отказала им в этой просьбе. Так народная дипломатия, направленная на поиск взаимоприемлемых условий мирного сосуществования народов, не была востребована правительством. Это решение вызвало негативные последствия. Абадзехи, недовольные развитием торговых отношений между черноморцами и бжедугами, а также усилением власти князей, решили «наказать» последних. Во время знаменитой Бзюкской битвы 1796 г., в которой с обеих сторон погибло более 4000 чел., войсковой атаман черноморских казаков Т. Котляревский поддержал аристократию бжедугов. Это было воспринято «демократическими народами» Закубанья как вмешательство в их внутренние дела. Появилась «третья сила» в лице России, которая нарушила баланс сил в крае. Хрупкое взаимопонимание первых этнокультурных контактов непродуманными действиями местной администрации было разрушено.

Тем не менее, стремление отдельных этнических и социальных групп принять покровительство России не ослабло. Идя навстречу настойчивым просьбам горцев, поддержанным войсковым начальством, в 1798 г. Павел I подписал рескрипт на имя Новороссийского губернатора В.В. Каховского, которым разрешил селиться в Черномории «всем тем, кто из-за Кубани переселиться пожелает» [29, с. 78]. В 1799 г. в урочище Ангелинский ерик, в 60 верстах от Кубани, появился черкесский Гривенский аул султана Шеретлуг-Оглу численностью около ста душ.

В этом же году бжедугский князь Явбук-бей подал прошение перейти на жительство в Россию с 1493 подвластными, причем даже в том случае, если российские войска будут препятствовать этому. «Буде суждено, – говорил он, – погибнуть мне с моим народом, то лучше пасть, не защищаясь, от оружия русских, чем от злодеев абазинцев» [29, с. 79]. Не получив добро на переселение, князь ушел в Анапу. Но процесс переселения адыгов, ногайцев и татар на правый берег Кубани продолжался. В 1800 г. в Гривенский аул прибыло еще около 200 чел. [29, с. 81, 82]. Не всегда фиксируемый переход

адыгов на правый берег Кубани продолжался и позднее, несмотря на запрещение генерала А.П. Ермолова. По подсчетам А.Т. Керашева, с 1828 по 1864 гг. российскими властями зарегистрирован 1051 случай (около 5800 чел.) мотивированного перехода адыгов в Россию [25, с. 38].

Быстро и бесконфликтно войти в систему новых отношений, в иноязычную среду им и тысячам других горцев, искавших лучших условий жизни, было сложно. Процесс адаптации происходил медленно, т.к. стереотип поведения, ментальность жителей Кавказа строилась на иных социокультурных основаниях.

Храбрость, удалство, геройство составляли отличительные черты образа горца. В народном сознании выработалось своеобразное понятие о чести: добыча, взятая отвагой в жесткой схватке с врагом и имущество, ловко украденное у соседа, не столько обогащали участников этих акций, сколько создавали им ореол героев. Укравший не считался вором, если не был обличен. Понять эту странную логику российские военные власти не могли, да и не хотели, поэтому жестко реагировали на любые известия о «хищничестве», «воровстве» и «разбоях». Карательные походы по всему периметру Кавказской линии стали обычным явлением.

Стратегия и тактика военного искусства, особенности военного воспитания, вооружение и боевые качества горцев соответствовали уровню их социальной организации и были составной частью их быта. Гибкая военно-территориальная организация горцев была малоуязвима для иноземного силового воздействия, поскольку обладала мощными естественными укреплениями, неисчерпаемыми ресурсами регенерации, особым менталитетом, который вдохновлял на борьбу с любым противником. Эту черту прекрасно подметил один из лучших наездников Северо-Западного Кавказа Бесльный Аббат. Оказавшись в 1834 г. в Зимнем дворце Петербурга и осматривая галерею портретов генералов и адмиралов России, он оценил важность сохранения их лиц для детей и потомков. Но вместе с тем подчеркнул, что «...наши черкесы, ей богу, храбрее всех народов на свете и безрассуднее; никто их не посылает на войну против их воли; а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно! Ранят ли их – нет награды; убьют – их семейство никто не призрит; за всё, если скажут «храбрый» вот и награда для них! За это одно слово они идут навстречу верной гибели!» [45, с. 238].

А.С. Пушкин с поразительной точностью обрисовал военно-психологический портрет горца всегда готового к действию: «движений вольных быстрота», «ничто его не тяготит, ничто не брякнет, пеший, конный – все тот же он; все тот же вид – непобедимый, непреклонный. Черкес оружием обвешан; он им гордится, им утешен. На нем броня, пищаль, колчан, кубанский лук, кинжал, аркан и шашка, вечная подруга» [38, с. 10].

Воинская слава была высшей ценностью в горском обществе. Virtuозное владение оружием, джигитовка, меткая стрельба из ружья с лошади на скаку – были обязательными качествами мужчины-горца. В значительной степени милитаризованный мужской быт был причиной того, что российские офицеры

и генералы высоко оценивали военный потенциал народов Северного Кавказа. Осознанная склонность горцев к оружию объясняется, по мнению А.С. Сенявского, тем, что в здешних условиях важность индивидуальной жизни для самой личности уступала ключевым ценностям своего социума, а ценность мужчины определялась почти исключительно ценностью его как воина, эффективно выполняющего свой долг [41, с. 61].

Понятно, что общественные ценности и нормы усваиваются человеком независимо от его воли и желания. Это происходит естественно и неизбежно в ходе социализации, под влиянием окружения, которому человек подражает, которое его поощряет или наказывает. Но за кажущейся хаотичностью и спонтанностью данного процесса стоит, как нам представляется, определённый порядок, порождаемый идеологией общества, который является концентрированным выражением особенностей социальной среды.

Определяющие маркеры жизни горцев – свобода мысли и свобода действий – оказывались несовместимыми с установками российского правительства, заинтересованного в демилитаризации населения, регламентации административно-судебной власти местной элиты, ликвидации института «наездничества». Строительство Кавказской укрепленной линии, введение приставств, родовых судов и расправ, превратили тлеющий цивилизационный конфликт в военный.

Возведение крепостей, форпостов, переселение тысяч казачьих семей в жизненно важные для местного населения районы, вызывали противодействие горцев. Их набеги на станицы и населенные пункты, угон скота, захват пленных, уничтожение небольших отрядов российских войск по всему пространству Северного Кавказа стали обыденным явлением. Необъявленная война началась, а вскоре зазвучала и военная риторика. «Кровь моя кипит, как в котле, – писал в 1804 г. правитель Кавказа П.Д. Цицианов по поводу бурного протеста кабардинцев против строительства крепости Кисловодск, отрезавшей богатейшие альпийские Эшкаконские пастбища от Кабарды, – и руки мои трясутся от жажды напоить земли ваши кровью ослушников, ждите, говорю я вам, по моему приказу штыков, ядер и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих по вашим землям, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная» [20, с. 117].

Позднее «проконсул» Кавказа А.П. Ермолов утверждал, что Кавказ неизбежно будет частью Российской империи, а поэтому существование в этих краях независимых и полузависимых государств и обществ любого вида и вероисповедания, будь то христианство, мусульманство или язычество, в горах или на равнине, просто несовместимо с честью и достоинством Российского императора, с безопасностью и благополучием его подданных. С.С. Эсадзе считал одной из главных причин возникновения мюридизма среди горцев «патриотические предубеждения Ермолова». Исходя из них он «поставил себе за правило уничтожить в крае всякую нерусскую национальность». Под «национальностью» здесь С.С. Эсадзе понимает самобытный социокультурный уклад местных народов. Когда, «попирая древние установления, сроднившиеся с чувствами и верою народа», Ермолов стал «заменять их новыми,

поверхностно обдуманными», применяя репрессивные методы, это вызвало неизбежное отторжение, а затем и сплочение отдельных племен Северо-Восточного Кавказа вокруг мюридизма с его лозунгом священной войны [48, с. 29, 35, 40].

Лучшим вариантом реализации своих планов военные власти сочли репрессивные походы в горы, в ходе которых уничтожались жилища, аулы, посеы, захватывался скот и продовольственные запасы. Полагалось, что политика устрашения и военного давления – единственная действенная сила, позволяющая держать горцев в повиновении. В ходе военных столкновений с отрядами генералов И.В. Якоби, Ф.И. Фабрициана, Г.И. Глазенапа, десятки кабардинских селений были сожжены. В районе Пятигорья было уничтожено 80 кабардинских аулов. В 1810 году во время военной экспедиции генерала С.А. Булгакова было уничтожено в Большой Кабарде свыше 200 поселений [21, с. 81, 82]. «Бравый» генерал был наказан Александром I, но его августейший брат Николай I «...опустошение жилищ и полей горцев ... изволил признать соответствующим целям» [21, с. 82].

Карательные экспедиции против горцев, как средство борьбы с хищениями и набегами, были малоэффективными, в большинстве случаев безадресными, поскольку командование не имело возможностей выявить действительных участников нападений. «Для острастки» разорялся подозрительный и часто непричастный к инциденту аул. Трагичность ситуации подчеркивалась тем, что эти походы и репрессии приходили в вопиющее противоречие с нормами российского законодательства, в частности, седьмой главы «Полевого уголовного уложения для действующей армии». Смертная казнь ждала военнoслужаших, виновных в «грабеже лиц, домов, селений и вообще собственности» (§61). Сурово каралось «зажигательство домов, истребление лесов и жатв и убийство жителей» (§62). Если все вышесказанное совершала целая часть, расстрелу подлежал ее командир (§63, 73). В соответствии с законодательством, за подобные преступления против мирного населения, большую часть Отдельного Кавказского корпуса необходимо было расстрелять по приговору полевого суда, поэтому данные статьи военного права оказались совершены «забыты» командованием.

Напротив, широкое применение получили статьи 39 и 40 пятой главы того же «Полевого уголовного положения», которые наказывали смертью за «... явное неповиновение или бунт жителей мест и областей армией занимаемых, истребление её продовольствия и всякое злонамеренное препятствие её движению и успехам», а также «... склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армией занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения» [33, с. 14]. При строгом выполнении этих статей расстрелу подлежало едва ли не все население Северного Кавказа. Несоответствие военного законодательства методам репрессий и устрашений, проводимых командованием различных воинских частей и подразделений, сохранялось на всем протяжении Кавказской войны.

Парадоксальность общей военно-политической ситуации заключалась и в том, что «от военачальников, – подчеркивает В.В. Лапин, – требовали не

победы над вооружёнными силами другого государства, а так называемого «умиротворения» горцев, для чего армия как машина, созданная для устрашения и разрушения, не годилась в принципе» [33, с. 29]. Некорректность задачи, поставленная правительством перед войсками на Северном Кавказе, предопределили паллиативность мер высшего командования, концептуальную противоречивость проектов и предложений, направленных на «приобщение» горцев к «цивилизации». Это обостряло военно-политическое положение в крае, которое требовало продуманных шагов и действий, а вместо этого приходилось «тушить пожары» то на левом, то на правом фланге Кавказской военной линии.

Военный «каток» России, быстро увеличиваясь в размерах (с 30 тысяч при А.П. Ермолове, до 200 тысяч при А.И. Барятинском), давил и уничтожал горцев, никак не желающих покориться превосходящим силам противника. Перефразируя А. Линкольна, правомерно было бы сказать, что можно терроризировать целый народ какое-то время или часть народа – всё время, но нельзя терроризировать весь народ всё время. В этом заключался главный концептуальный изъян опоры исключительно на силу.

Большинство старших офицеров и генералов, служивших на Кавказе, были убеждены, что с горцами надо разговаривать только опираясь на силу. Те же немногие, кто пытался высказывать иной взгляд и считал «невозможным добиться принуждением и грубой силой того, что можно сделать путём любви и доверия к человеку» [14, с. 347], встречали непонимание. Но мы считаем, что именно позиция этой гуманно настроенной части Российского общества привела к постепенному изменению характера взаимоотношений правительства с горцами, что, в свою очередь, ускорило подлинное умиротворение в крае.

В воспоминаниях, докладах, записках, письмах военных и чиновников, служивших на Кавказе, отражены тысячи полярных оценок жизни и действий горцев. К счастью, в них имеются не только планы тотального уничтожения «хищников», но и проекты, посвященные мирным способам включения горских народов в культурное пространство России на основе признания «особости их понятий, нравов и обычаев» [37, с. 65]. Осмысление «инаковости» жителей Северного Кавказа, раньше называемых только «хищниками и дикарями», уже было шагом к толерантности и определяло новые формы и методы сближения народов. Это проявилось в создании элементов новой системы управления и судопроизводства, отчасти соответствующей представлениям горцев о справедливости, в отказе от повсеместной проповеди христианства, в развитии образования, взаимовыгодной торговли и т.д.

В этом отношении показательна эволюция взглядов упоминаемого выше П.Д. Цицианова. Определяя главные правила управления Кабардой приставу генерал-майору И.П. Дельпоцо, Цицианов осуждает применение силовых методов при формировании новой судебной системы: «При всяком выборе в родовые суды (введённые в Кабарде в 1793 году. – П.К.) употребляемы были батальоны и пушки вместо предводителей (так в тексте, имеется в виду организация. – П.К.) выборов». Он предлагает программу долгосрочных действий, которые должны изменить ситуацию в крае: «1. Для обучения детей

кабардинских владельцев и узденей открыть училища в Георгиевске и Екатеринограде; 2. Учредить беспошлинный впуск на линию кабардинских домашних произведений; 3. В Георгиевске и Константиногорске построить за счет государства мечети; 4. Сформировать Кабардинский гвардейский эскадрон; 5. Прекратить в Кабарде политику «разделяй и властвуй», заключающуюся в поддержке неприязни между народом и князьями» [1, с. 952-954] и др. Предложения Цицианова не были реализованы, но важен сам факт его нового подхода к «общежитию» с народами Кавказа.

Эта же мысль достаточно явно звучит и у его преемника А.П. Тормасова, который прямо заявил военному министру, что «всегда был противного мнения относительно системы, около полувека тщательно поддерживаемой местными на линии начальниками, чтобы сопредельных ей народов держать не только в повиновении, но и в жестоком порабощении, употребляя против них силу оружия» [2, с. 828-830]. Для выхода на качественно новый уровень взаимоотношений, Тормасов предлагал предоставить горцам экономические выгоды, активно развивать торговлю с ними, обеспечить покровительство исламу и воздействовать через духовенство на сознание горских народов, повсеместно открывать школы для воспитания горских юношей и т.д.

К аналогичному заключению пришел и известный государственный и общественный деятель Н.С. Мордвинов, заявив в 1816 году, что «народы кавказские оружием покорить невозможно». Необходимо «завести в городах наших школы для воспитания молодых князей и детей старшин народных, чтобы в оных находили они свои обряды и свойственные горским жителям упражнения: употребление оружия, ристание на конях» и др. Развивать торговлю, обеспечивающую горцев всем необходимым, привлекать их гостеприимством и благотворением – вот путь, по мнению адмирала, который по-настоящему сблизит Кавказ и Россию [5, с. 149-154]. Мысль вполне понятна и обоснована. Экономическая и культурная адаптация горцев к общероссийскому контексту смягчит их суровые нравы, окажет воздействие на психологию, на миропонимание и мировосприятие, что и обеспечит невидимый, но очень важный механизм социокультурного взаимодействия.

В кульминационный период противостояния Российских вооруженных сил и имамату Шамиля и черкесам Звукбання, когда ряд укреплений Черноморской береговой линии был уничтожен горцами, ее начальник генерал Н.Н. Раевский-младший писал командующему Отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головину: «Долг службы и совести заставляет меня повторить то, что говорил прежде и в чем всегда был убежден: одна миролюбивая система с черкесами может вести к прочному их покорению, – всякая другая, основанная на разорении и кровопролитии, вредна и противна великодушным намерениям Монарха. Необходимо развитие торговли, которая сблизит горцев с нами. ... Перемена всей системы лишит нас плодов, приобретённых от постоянного следствия системы мира, уронит доверенность к нам горцев, повлечёт за собой все бесчисленные и грязные злоупотребления, неразлучные с разбойничьей войной» [6, с. 385-392]. Честная, открытая позиция Раевского по отношению к «разбойничьей войне» стоила ему должности. Конфликт с

командующим Кавказской линией П.Х. Граббе, проводившим политику «штыка и пушек» по отношению к горцам, завершился отставкой Раевского. Но главное все-таки в другом: в России и на Кавказе были генералы и чиновники, видевшие пагубность, бессмысленность и абсолютную неэффективность кровавых репрессий к жителям гор.

Постепенно выстраивалась определенная система представлений о развитии мирных отношений с горцами: от Тормасова, через Мордвинова, Грибоедова, Пушкина, Покровского, Бековича-Черкасского, Хан-Гирея, Казы-Гирея, Ногмова, Раевского, С. Иванова, Шишкова, Полежаева, Герцена, Белинского, Лорера, к Воронцову, Л. Толстому, А. Кешеву, К. Атажукину, Ч. Ахриеву, У. Лаудаеву, А. Ардасенову, К. Хетагурову и др., которую Я.А. Гордин определяет, как «гуманно прагматичную» [13, с. 566]. Трагичность ситуации и для России, и для насельников Кавказа заключалась в том, что высказанные идеи и предложения, в том числе и на самом высшем уровне, оставались благими пожеланиями. Гигантские средства вновь и вновь направлялись в войска для проведения карательных экспедиций, «замирения» и «умиротворения» горцев силой оружия.

В 1842 г. командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим Закавказским краем был назначен генерал-адъютант А.И. Нейдгарт. Определяя цели, формы и методы действий российской власти на Кавказе в условиях кульминационного этапа противостояния с горцами император Николай I заявил: «1. не хочу никаких завоеваний; 2. необходимо покорение враждебного нам населения Кавказа; 3. хочу упрочения нашего владычества краем; 4. командующий ласковым, справедливым и строгим соблюдением порядка должен вселять во всех доверенность, уважение и любовь к себе; 5. полезно увеличить число народных и уездных училищ, но воспитание в самом крае никак не должно превышать обыкновенных гимназических степеней; ибо всё высшее образование должно быть непременно в России, т.е. в общем корыте Империи; 6. поощрять коммерческие отношения с Россией» [22, с. 380-384]. Очередная постановка внутренне противоречивой задачи свидетельствовала, что высшая власть в государстве так и не осознала своей ответственности перед населением Кавказа, да и не поняла, что же здесь надо делать. Регион, который требовал так много сил и средств государства, по мнению монарха, все еще не входил «в общее корыто Империи». Не случайно надежды правительства на быстрое «замирение» края вновь оказались тщетными.

Активизация военных действий армии Шамиля, длительная полоса неудач и поражений регулярных российских войск на Кавказе привела руководство России к выводу, что причина неудач – в отсутствии свободы действий у командующего войсками, в его чрезмерной зависимости от указаний Петербурга. Необычайная сложность региона, различный уровень социально-экономического, политического, культурного, уровня его отдельных частей требовали быстрых, эффективных, нестандартных решений от военного командования и органов гражданского управления в крае. Но это было невозможно из-за необходимости согласовывать все планируемые действия с

верховой властью в лице начальника Генерального штаба, военного министра, министром финансов, императора.

В этой ситуации, в середине 40-х годов XIX века Николай I принял решение предоставить «своему наместнику почти неограниченные полномочия, избавив его даже от ответственности перед военным министром» [15, с. 174]. Это решение должно было, во-первых, ускорить завершение военных действий в регионе, во-вторых, создать приемлемые условия существования для мирных горских обществ, признавших власть России. Новой формой управления регионом было выбрано наместничество, а на должность первого наместника Кавказа назначен генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф М.С. Воронцов, который сочетал в себе несколько качеств – деятельный генерал, опытный администратор, знаток Кавказа. По мнению В.В. Дегоева, объем полномочий Воронцова превышал власть Г.А. Потемкина при Екатерине Великой.

Наместник объединил военные и гражданские функции по управлению Кавказом в своих руках и получил «карт бланш» в условиях жесткой централизации государственного аппарата. Для усиления эффективности в отдельные звенья управления стали привлекаться представители горской элиты. Они получали чины, звания, права и привилегии российских дворян.

Управление краем Воронцов начал с обращения к «жителям Дагестана». В нем ключевыми были два положения – прекращение вооруженного сопротивления и гарантия сохранения дагестанцам «веры, законов, обычаев, имущества и земли» [3, с. 361]. «Воззвание» было тепло встречено частью населения. Предприняты были шаги к привлечению на сторону России наибов Шамиля. Воронцову, видимо, было известно о серьезных противоречиях между имамом и его ближайшими сподвижниками. «Несклеенность» имамата по его наибской линии и возможность усугубить разрыв между главой государства и его «автономными» образованиями представлялась очень привлекательной [9, с. 516].

Объявляя вне закона Шамиля и его окружение, Воронцов подчеркивал, что он проводит четкую грань между ними и остальным обществом. Гарантируя неприкосновенность ислама, традиций, обычаев, прав собственности, наместник обещал подвести под эти основы общественной жизни прочные законодательные опоры. Одновременно горцев ставили перед выбором: либо признать «справедливую и благодетельную власть» российского императора, радеющего о благополучии своих подданных, и тем самым разделить их счастливую судьбу, либо навлечь на себя жестокую кару [17, с. 95]. Такие обращения оказывали определенное воздействие на жителей предгорий, куда легко достигали российские войска.

Военная катастрофа, постигшая российские войска в даргинской экспедиции 1845 г., во время которой погибло свыше 3630 солдат и офицеров и около трех тысяч было ранено [9, с. 525], ускорила эволюцию политики наместника Кавказа в сторону диалога и взаимопонимания. Принцип российской имперской политики «в здешнем краю и добро надо делать насилеи» ощутимо слабел. Свобода рук, предоставленная Николаем I

М.С. Воронцову, позволили ему изменить тактику освоения региона. Вместо карательных экспедиций, войска приступили к планомерному продвижению в горные районы с помощью топора и лопаты. Солдаты прорубали просеки в лесу, позволяющие воинским частям беспрепятственно проникать в самые отдаленные горные районы. Малоземельным и безземельным горцам предлагалось переселяться на плоскость, где им предоставлялись значительные участки земли.

Трудно, болезненно, очень сложно для командного состава, постепенно, с оговорками, но все-таки Кавказская администрация стала переходить к политике «понимания» по отношению к горцам. Не отказываясь от военных планов, которые продолжали доминировать, высшая администрация на Кавказе осознала важность реализации экономических, административно-судебных и просветительских программ в регионе. Воронцов переакцентировал внимание местного начальства с военных проблем на культурные, торговые, сословные, аграрные, экономические [37, с. 83]. Изменение вектора в управлении регионом почувствовали многие. А.Л. Зиссерман вспоминал, как по прибытии Воронцова на Кавказ «краю был дан толчок вперед, к лучшему. В стране, которая до того не знала почти деятельности, закипела жизнь, и дремавшие силы были вызваны наружу; всякий почувствовал потребность если не делать, то хотя бы заявить о чем-нибудь полезном...» [19, с. 74].

Управлять многонациональным Кавказом было сложно, особенно когда необходимо было вмешиваться в сложившиеся межэтнические отношения между народами или обществами. Для создания толерантной обстановки, при наличии которой только и можно было реализовывать просветительские программы, Воронцов немало издал приказов и распоряжений, направленных на развитие дружеских отношений между русскими и местными жителями, на обеспечение равных прав всех народов [44, с. 241].

Свою деятельность на Кавказе Воронцов начал со сбора конкретного материала о горцах. Зная об острых противоречиях между народами Северного Кавказа и местной администрацией, он потребовал от командования Кавказской военной линии активизировать подачу горскими народами прошений на его имя по наиболее важным проблемам их жизнедеятельности. Шаг к пониманию был сделан и вызвал бурную реакцию. Так, представители тагаурского, куртатинского, алагирского, цимитинского, джераховского, назрановского, кистинского, галгаевского, карабулакского обществ подали прошения, в которых было поставлено несколько проблем [46, л. 1-31]. Во-первых, решить аграрный вопрос, т.е. закрепить земельные участки земли, которыми владела горская знать, в их потомственную собственность; во-вторых, предоставить права российских дворян старшинам и владельцам аулов; в-третьих, посылать их детей на учебу в Россию; в-четвертых, возратить в родные аулы горцев, сосланных за преступления в Россию; в-пятых, не присылать, без соответствующей просьбы, священников в горские общества для проповеди учения Христа; в-шестых, за потраву сенокосов и посевов частями Отдельного Кавказского корпуса, выплачивать денежную компенсацию; в-седьмых, отменить правило «барамты», когда по подозрению в

совершении преступления наказывалось все общество, а не конкретные виновные, и др. Помимо коллективных было подано множество прошений индивидуальных. Их общее число только в ЦГА РСО-Алания, по нашим подсчетам, составляет несколько тысяч [34]. Массовый характер обращений за помощью к Кавказской администрации – явное свидетельство поиска населением той силы, которая создаст приемлемые условия жизни. По нашему мнению, прошения – это особая форма социокультурного диалога, который складывался в процессе взаимодействия, и в комплексе с другими источниками, дает возможность исследовать формирующийся механизм государственного регулирования социально-экономических и культурных проблем горцев и степень его эффективности.

Свыше 70 % всех прошений касались аграрно-сословного вопроса. Сословные, в свою очередь, можно разделить на две группы. Одна включает прошения различных категорий горских крестьян: фарсаглагов, адамихатов, кавдасардов, азатов, пшитлей и унаутов о защите их от притеснений старшинской и уоркской верхушки, присвоения им звания узденей с тем, чтобы они пользовались теми же привилегиями, что и знать. Другая группа – прошения старшин и владельцев, в которых алдары, баделяты, старшины ходатайствуют о юридическом закреплении их сословных прав. Это дало бы им возможность сделать карьеру на российской службе по примеру князей Черкасских и Бекович-Черкасских, генералов Д. Бегидова, Х. Анзорова, С. Азамат-Гирея, А. Туганова, М. Кундухова, полковников Хан-Гирея, Казы-Гирея, А. Атажукина, Ф. Абдурахманова, С. Галаева и др.

Для решения этих злободневных для горцев вопросов во Владикавказе, а затем в Нальчике, Хасавюрте, Грозном открываются комитеты и комиссии [31], которым была поставлена задача разработать комплекс мероприятий по реализации поданных просьб. Сам факт разработки конкретных проектов обеспечения жизненных интересов горцев, свидетельствовал о настойчивом поиске новых механизмов взаимоотношений официальной власти с жителями края, т.е. это была форма социокультурного диалога, но инициатором ее разработки теперь становится российская администрация.

По инициативе М.С. Воронцова в 1848 году Николай I подписал указ о создании Кавказского учебного округа. Управляющий учебным округом должен был создать систему образования в регионе и стремиться «1. в распространении повсюду правильного знания русского языка, дело до сих пор совершенно забытое, вследствие чего весьма малое число туземцев могут в настоящее время служить с пользой правительству и собственно для себя; 2. в неперенном и безусловном обучении всех русских учеников хотя бы одному из туземных языков [26, с. 141]. Реализация этого проекта, несмотря на сложность и длительность осуществления, действительно сблизила бы местное население с российской администрацией. Здесь дело касалось буквально того, чтобы администрация и население могли заговорить на одном языке.

В 1848 г. в станице Екатериноградской в Большой Кабарде была открыта школа военных воспитанников «для детей русских офицеров, кабардинских князей и дворян, с допущением нескольких детей отличившихся урядников

линейного казачьего войска, т.е. 25 кабардинцев, 25 русских чиновников и урядников и 25 кантонистов» [32, с. 349]. В этом же году была создана Навагинская школа во Владикавказе для детей привилегированных сословий [8, с. 303]. Как видим, и в этом вопросе, так долго поднимавшемся прогрессивными деятелями Кавказа, был сделан реальный шаг вперед.

В 1846 году при непосредственном содействии М.С. Воронцова была открыта первая общекавказская газета, которая «имела целью знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще находившемся почти в младенческом состоянии и мало известном» [23, с. 1]. Помимо официальных распоряжений правительства и администрации в ней печатались разнообразные исторические материалы о прошлом и настоящем горских народов. Эти публикации давали возможность читателю проникнуть в духовный и материальный мир насельников Кавказа, ближе познакомиться с их общественным и административным устройством.

Понимание приходит в процессе познания. Аксиоматичность этой формулы, видимо, была вполне ясна Воронцову, поэтому по его рекомендации первым редактором газеты «Кавказ» был назначен О.И. Константинов, который известен был не только как хороший журналист, но и знаток Кавказа. Нельзя не поразиться его откровенной комплиментарности в отношении к жителям горных ущелий в период острейшего военного противостояния в регионе. Описывая черкесов Северо-Западного Кавказа, он сумел увидеть такую гамму необычайного в их повседневной жизни, что его очерк скорее похож на поэму. «Сколько удивительного и достойного изучения, – пишет он, – мы найдем в этом народе. Характеры истинно рыцарские, герои, исполненные доблести, чести, ума и высокого красноречия; воспитание и презрение всех слабостей тела и духа. Народ, не имевший письмен, передающий из рода в род в песнях историю, законы, мысли и чувствования. Изощрение дара слова положено было у него в основание воспитания и, красноречие гремело на народных съездах, а песня звучала над прахом каждого замечательного человека. Каждый, умирая, уже слышал хвалебный гимн себе, или порицание соотечественников и мысль, что скажут обо мне, сторожила всякого в его славных и бесславных деяниях» [28, с. 19]. Теплое, уважительное отношение редактора ко всем народам Кавказа предопределило тематику и тональность издания, формировало благожелательное общественное мнение к жителям гор. Не случайно, именно здесь были напечатаны сотни историко-этнографических исследований краеведов и ученых (Хан-Гирей, П. Хицунов, Н. Берзенов, Д. Бакрадзе, А.М. Шёгрэн, В. Переваленко, Е. Вердеревский и др.).

Появление новой газеты за хребтом Кавказа, доброжелательный подход редакции к судьбе горцев встретил поддержку со стороны прогрессивной части российского общества. С прошлого года, – писал известный литературный критик В.Г. Белинский, – в Тифлисе издается газета «Кавказ», значение которой неопределимо важно в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ним образование привычки и дает возможность грубые средства к рассеянию заменить полезными и благородными. С другой стороны,

газета «Кавказ» знакомит Россию с самым интересным и наименее известным ее краем, входящим в ее состав» [7, с. 58]. Великий просветитель увидел в деятельности газеты главное: вольно или невольно она ограничивает возможности военного командования решать вопросы взаимоотношений с горцами только с помощью оружия.

С этой же целью, по личной просьбе М.С. Воронцова, к нему был откомандирован один из лучших российских востоковедов – Н. Ханыков. Его статьи «Перевод мусульманских постановлений о войне», «О мюридах и мюридизме», опубликованные в газете «Кавказ», дали читателям, в том числе и военным, бесценный материал об исламе, основах тариката и религиозной подоплеке противостояния горцев России. По-видимому, он был одним из первых, кто поставил вопрос о необходимости учитывать эти аспекты при проведении в крае преобразований.

В 1850 г. полковник Н.Ф. Торнау опубликовал в Тифлисе работу о главных началах мусульманского законодательства, отметив в предисловии новизну и важность такого труда для любой европейской страны, вступающей в контакт с мусульманским миром. «Главная моя цель при издании настоящего труда, – подчеркивал Торнау, – есть практическая пригодность оного к управлению мусульманскими племенами Империи и ознакомление правительственных лиц, администраторов и судей с освященными религией и вполне проникнутыми духом оной гражданскими законами последователей ислама» [36, с. 84]. Подчеркнув прикладной характер своего труда, ученый предложил его администрации как руководство к действию. С этой же целью, Воронцов предлагал привлечь крымского муфтия Кади Эскер Сеид Халил Эфенди и его четырех помощников «к увещанию мюридов и горцев расположиться к России» [14, с. 484].

Большое научное и общественное значение имело открытие в 1850 г. Кавказского отдела императорского Русского географического общества (КОИРГО), который стал первым провинциальным филиалом РГО. Идея об учреждении КОИРГО возникла в 1848 г. в среде военной интеллигенции, поскольку на Кавказе проходили службу многие известные ученые и просто любознательные инициативные люди, занимающиеся сбором и изучением разнообразного материала по истории горских народов. Сознавая, что выявленный ими материал большей частью остается без употребления в архивах, ряд общественных деятелей обратились к М.С. Воронцову с предложением «открыть на Кавказе местный отдел РГО, с целью изучения Кавказского края в отношениях: географическом, этнографическом и статистическом» [18, с. 184]. Поддержка наместником начинания, предопределила положительное решение вопроса. Указом Николая I от 27 июня 1850 г. был утвержден устав КОИРГО и бюджет общества в 2000 руб.

КОИРГО объединил все малочисленные научные кадры, претендуя на координирующую роль в организации исследований не только в области собственно географии, но также этнографии, статистики, археологии, библиографии и т.д. [43, с. 119]. Не все из намеченного удалось сделать, но открытие филиала самого передового научного общества России в Тифлисе,

свидетельствовало о том, что курс «на понимание, через познание» с местным обществом был стратегическим и не ограничился первыми либеральными начинаниями.

Многие рекомендации ученых не только были услышаны, но и реализованы. Военное командование на Кавказе вынуждено было, помимо решения военных задач, решать разнообразные экономические, технические, социальные, земельные и культурные проблемы местного населения: строительство меновых дворов, школ, фельдшерских пунктов, дорог, мостов через горные реки, плотины против разлива рек на плоскости. В 1846 г. был создан «Комитет улучшения садоводства и укрепления берегов реки Терек». Эта неброская, но важная для горцев конкретная работа создавала прочный фундамент добрососедских отношений и оказывала большее влияние, чем военные победы. Особенно явно это проявилось в годы Крымской войны, когда частям, сражавшимся против турецких войск в Закавказье, не пришлось опасаться за свой тыл.

Одновременно шел поиск новых форм управления, где определенную роль играли бы представители местной элиты. Новая система административно-территориального управления оформилась в 1858 г., когда официально была введена система военно-народного управления. Суть этого управления, по мнению Кавказской администрации, подготовившей его введение, заключалась в следующем: «Мы должны действовать с особенной осторожностью, чтобы мерами преждевременными, чуждыми еще понятиям и нравам горцев, не внушать в них неудовольствия, недоверия и отвращения к нашим нововведениям и не вызвать сопротивления с их стороны. Лучшим для того средством будет применяться при всех наших преобразованиях в управлении мирными горцами, к общественному их устройству и народным обычаям» [40, л. 4 об. – 5].

Многогранная деятельность администрации по обеспечению в крае порядка, организованного на основе сочетания норм российского и местного обычного права, с одной стороны, и ежедневная потребность горцев в обеспечении условий для жизни, вели к постепенному примирению горских народов с реалиями Российской империи.

Но менялись, приспособляясь к конкретным жизненным реалиям, не только они. Эволюционировала и сложившаяся здесь военно-административная система, пытающаяся, в лице своих наиболее талантливых представителей, организовать приемлемые формы сосуществования различных социально-культурных укладов.

Итоги этого процесса свидетельствуют, что успехи имперского правительства стали реальными тогда, когда была изменена стратегия взаимоотношений с народами Кавказа. Аппарат управления занялся организацией социокультурного пространства, жизни и быта горских обществ, что, в конечном счете, и определило выбор народов Кавказа. Порядок, организация, система, как синонимы мира, безопасности и благополучия, стали для горцев ключевыми, жизненно важными идеями, что меняло ментальные ориентиры и вело к интеграции, сближению народов Северного Кавказа с

Россией. Все возрастающая потребность в таком способе бытия заставляла Петербург искать пути ее удовлетворения и подсказывала то стратегическое направление, в котором должна была развиваться российская политика на Кавказе [16, с. 29]. Да, были отклонения, иногда даже отступления от избранного пути. Можно вспомнить письмо Александра II в 1860 г. наместнику Кавказа А.И. Барятинскому, в котором, касаясь вопроса о предстоящих территориально-административных преобразованиях на Северном Кавказе, он писал: «Управление горцами должно стать главной задачей текущего момента, надо смотреть на управление горцами как продолжение их покорения» [4, с. 1287]. Несмотря на такую установку, местная администрация искала формы углубления связей с горцами.

Едва ощутимая потребность в союзе с северным соседом в XVI в., стала осознанной необходимостью для основной массы горцев во второй половине XIX века. Траектории движения горского и российского социумов совместились в эпоху либеральных реформ 60-70-х годов XIX века, несмотря, опять-таки на некоторые «недоразумения». Потеря политической независимости положила начало модернизации традиционного горского общества по российским лекалам. Изменились и вектор, и механизмы социально-культурного развития народов Северного Кавказа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. 2. – 1238 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. Т. 4. – 1019 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. Т. 10. – 982 с.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1893. Т. 12. – 1558 с.
5. Архив графов Мордвиновых: в 10 т. / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, Т. 5. 1902. – 743 с.
6. Архив Раевских. Т. 1-5. Т. 3: Письма. 1839-1841 гг. / Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – СПб.: тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 3. – 718 с.
7. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.: Мысль, 1956. Т. 10. – 439 с.
8. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. – Владикавказ: Ир, 2000. – 351 с.
9. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 877 с.
10. Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия – Северный Кавказ (современный политический опыт в историческом контексте) // Полис. – 1998. – № 3. – С. 192-203.
11. Боров А.Х. Новое время в социокультурной мозаике России: Северный Кавказ // Россия в новое время: центральное и периферийное в системе культурного диалога. Материалы Российской межвузовской научной конференции 28-29 апреля. – М.: РГГУ, 1999. – С. 200-215.
12. Боров А.Х. Северный Кавказ: социокультурные механизмы исторического процесса // Исторический вестник. – Нальчик, 2006. – Вып. III. – С. 3-55.
13. Гордин Я.А. Россия на Кавказе // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – С. 555-583.

14. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х годах XIX века. Сб. док. / Сост. Г.-А.Д. Даниялов. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1959. – 785 с.
15. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2001. – 448 с.
16. *Дегоев В.В.* Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. – М.: Русская панорама, 2004. Т. 1(33). – 352 с.
17. *Дегоев В.В.* Три силуэта Кавказской войны: А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский // Вестник института цивилизации. – 2000. – Вып. 3. – С. 67-116.
18. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества (КОИРГО). – Тифлис: Типография Канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1853. Кн. 2. – 275 с.
19. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. – М.: Кучково поле, 2014. – 576.
20. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / Сост. проф. Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 480 с.
21. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 396 с.
22. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 720 с.
23. Кавказ. – 1846. – №1. – 4 с.
24. *Карамурзов Б.С., Боров А.Х.* Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. – 2017. – №1. – С. 12-40. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Borov_Karamurzov_Kavkazologiya_2017_1.pdf (дата обращения: 17.06.2017)
25. *Керашев А.Т.* Побег адыгов в Россию (1828-1864) // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX веке. – Майкоп: Майкопское книжное изд-во, 1987. – С. 37–48.
26. *Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю.* Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). – Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. – 158 с.
27. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. в 9 т. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. – 431 с.
28. *Константинов О.И.* Очерк северной стороны Кавказа // Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847 г. – Тифлис, 1847. – 256 с.
29. *Короленко П.П.* Горские поселенцы в Черномории // Известия общества любителей изучения Кубанской области. / Под ред. В. Сыроева и А. Дьячкова-Тарасова. – Екатеринодар, 1902. Вып. 3. – С. 73-115.
30. *Кузьминов П.А.* Аграрные преобразования у народов Центрального Кавказа в 50-60-е годы XIX века // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2005. – С. 44-71.
31. *Кузьминов П.А.* Работа сословно-поземельных комиссий и комитетов в 40-70-х годах XIX века в Центральном Предкавказье // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2005. – № 22. – С. 69-76.
32. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 446 с.
33. *Лапин В.В.* «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – С. 9-29.
34. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века: Сборник документальных материалов. В 2-х т. / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. Т. 1. Территория, население и особенности социально-экономических отношений у народов

Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. – М.: Поматур, 2005. – 368 с.; Т. 2. Проекты и решения сословных и земельных отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. – М.: Поматур, 2005. – 392 с.

35. *Новицкий В.* Анапа и закубанские поселения // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 2. – Тифлис: Типография Канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1853. – С. 7-52.

36. *Олейников Д.И.* Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. – С. 69-90.

37. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. – 529 с.

38. *Пушкин А.С.* Кавказский пленник // Соч. в 3-х Т. – М.: Мысль, 1986. Т. 2. – 532 с.

39. Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. – М.: Русская панорама, 2011. – 880 с.

40. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1268. – Оп. 9. – Д. 436.

41. *Сенявский А.С.* Психологическая регуляция и подготовка воинов в различных исторических и этнокультурных условиях // Военно-историческая антропология. Ежегодник. – М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с. – С. 53–69.

42. *Трехбратов Б.А.* История Кубани с древнейших времен до начала XX века. Учебное пособие по краеведению. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 2000. – 440 с.

43. *Тютюнина Е.С.* К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: КБГУ, 1989. – 239 с.

44. *Удовик В.А.* Воронцов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 413

45. *Хан-Гирей.* Беслый Аббат // Черкесские предания. Избранные произведения. / Сост. Р.Х. Хашгожева. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 288 с.

46. Центральный государственный архив РСО-Алания. – Ф. 233. – Оп. 1. – Д. 3.

47. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. 1. История края. Екатеринодар, 1910. Репринт. – Краснодар: Советская Кубань, 1992. – 712 с.

48. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом: в 2 т. – Тифлис: Типография Гуттенберг, 1907. Т. 1. – 620 с.